

Круглый стол «Музейный центр «Дом А. А. Титова»: от замысла к реализации»

28 октября 2022 г., в день рождения выдающегося ростовского гражданина Андрея Александровича Титова, в Белой палате Ростовского кремля состоялся круглый стол «Музейный центр «Дом А. А. Титова»: от замысла к реализации». Известные музейные работники, историки, архивисты, театральные деятели, представители общественности, бизнеса и власти обсудили широкий круг вопросов, касающийся идеи создания музея. С полным единодушием все собравшиеся выразили убеждение, что такому музею в ростовском доме А. А. Титова на бывшей Покровской улице быть!

К участникам круглого стола с приветствием обратился директор ГМЗ «Ростовский кремль» Александр Филяев. Он информировал, что сотрудники музея уже на протяжении года ведут работу по разработке и продвижению идеи создания музейного центра в доме купца А. А. Титова – как места собирания и музейного показа обширного наследия незаурядного человека и ученого, и как центра притяжения культуры в широком смысле, достойного внимания гостей города и самих ростовцев. Особая притягательность этого дома состоит в том, что именно здесь родился, жил и действовал подлинный самородок, оставивший такой глубокий след в истории отечественной культуры и науки. Именно отсюда исходили многие значимые инициативы, направленные на преобразование общественной и культурной жизни Ростова, о которых становилось известно во всей России. Одним из ярчайших свершений А. А. Титова стало возрождение Ростовского кремля и создание здесь уникального музея.

Александр Филяев с удовлетворением отметил, что инициатива Ростовского музея нашла поддержку в лице губернатора Ярославской области М. Я. Евраева и со стороны Министерства культуры Российской Федерации. В настоящее время администрацией Ростовского муниципального района ведется проработка вопросов передачи «дома купца А. А. Титова», выявленного памятника культурного наследия регионального значения, в оперативное управление «Ростовского кремля» с последующим закреплением в федеральную собственность.

Вместе с тем у руководства и коллектива музея есть четкое понимание, что все процессы по реализации задуманного масштабного проекта, финансово довольно емкого, не могут быть простыми и быстрыми. Они потребуют еще многих творческих усилий и принятия важных административных решений. Одно сегодня ясно – «Дом А. А. Титова», как идея и как конкретные дела, уже начал функционировать.

Далее прозвучало обращение к участникам круглого

стола директора департамента культуры Ярославской области Марины Васильевой, изложенное в письме на имя руководителя музея: «Сохранение наследия ростовского купца, историка и музейного деятеля Андрея Александровича Титова, оставившего глубокий след в истории культуры Ярославского региона и всей России – важная задача, решение которой принял на себя Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

Департамент культуры Ярославской области, безусловно, поддерживает идею создания Музейного центра «Дом А. А. Титова» в г. Ростове. Музейный центр позволит раскрыть новые возможности для музейной, научно-просветительской, образовательной и туристической деятельности в старейшем городе Ярославской области, в котором взят курс на развитие культурно-туристического и социально-экономического потенциала.

С огромным интересом и вниманием участники круглого стола восприняли видеобращение зарубежных потомков Андрея Александровича Титова – его правнука Кристиана Танона, живущего в Париже (Франция), и праправнучки Клэр Джордан – из Брюсселя (Бельгия). Чрезвычайно уместная сегодня мысль о единении культур, европейской и российской, и преодолении границ – между странами, людьми, резонно возникающая в свете идеи создания музея А. А. Титова, прозвучала в словах праправнучки ростовца: «Я желаю, чтобы этот музей стал реальностью, и надеюсь, что в будущем у меня появится

возможность лично посетить его со своим мужем и нашими двумя сыновьями. Я бы очень хотела, чтобы они тоже узнали о жизни и достижениях своих русских предков. И передали эти знания и чувства уже своим детям. В этом, я уверена, есть большой смысл. Культура не знает границ. Именно об этом заботился Андрей Александрович Титов».

С изложением концептуальных основ будущего музея выступил заведующий редакционно-издательским центром ГМЗ «Ростовский кремль», кандидат исторических наук Ярослав Смирнов. Купец А. А. Титов как универсальная личность оставил яркий след во многих сферах общественной, культурной, научной, экономической жизни своего родного края и всей России. Его биография не только достойна памяти потомков, но и позволяет в широком спектре исторических сведений, сохранившегося документального нарратива донести до наших современников и будущих поколений необычайно цельный образ и пример русского талантливого и предприимчивого человека. Провинциальный деятель в проявлении своего природного таланта и характера оказался ярчайшим представителем того самого «ярославского расторопного мужика», которым восхищался еще Гоголь. Сохраняя память об А. А. Титове, мы сохраняем память о своей региональной исторической идентичности, и много шире – русском таланте, творце, широко открытом миру создателе. Личность выдающегося ростовца и его дом на Покровской улице (ныне – Ленинской) – идеальное сочетание слагаемых для создания музея национальной идентичности и самосознания, современного музея русской жизни. В таком музейном центре память об удивительном человеке станет бесконечным источником вдохновения для творческого созидания и новых гражданских инициатив.

Мемориальные экспозиции, посвященные Андрею Александровичу Титову, его собирательскому, творческому, научному наследию, обширным деловым и научным контактам с представителями столиц и российских регионов, истории рода Титовых в России и Русском зарубежье – должны стать основой музейного показа с исторической реконструкцией интерьеров помещений просторного двухэтажного особняка. Более 1500 предметов, связанных с жизнью этого дома и его многочисленных обитателей, сохранились в фондах ГМЗ «Ростовский кремль». Тысячи эпистолярных источников из переписки А. А. Титова, отложившейся в его личном фонде в Государственном архиве Ярославской области, рисуют семейную сагу Титовых за более чем полувековую историю. Все больше документальных материалов становится известно о жизни сына купца – Александре Андреевиче Титове (1878–1961), видном ученом-химике, общественном и политическом деятеле, крупном представителе российской эмиграции во Франции. Музейное повествование о нем и его окружении, в России и за границей, – обоснованное продолжение рассказа о Титовых и их вкладе в русскую культуру и самосознание.

Музейный центр «Дом А. А. Титова», подобно своему былому значению своеобразного штаба общественных и культурных инициатив, каким он являлся в XIX – начале XX века, в современную эпоху должен стать центром собирания и предъявления обществу обширного наследия А. А. Титова. Центр может стать хранителем электронного депозитария, в перспективе созданного на основе архивных материалов (только в ГЯО фонд купца и историка насчитывает около 2500 дел), самой крупной в России частной коллекции рукописей, в которой содержится более 5000 манускриптов (основная часть – в Российской национальной библиотеке), трудов и изданий историка и археолога, чья библиография

включает более 700 выявленных публикаций. Все это когда-то аккумулировалось или же создавалось в доме на Покровке, и теперь его генетическая функция научно-просветительской лаборатории может раскрыться по-новому. Важно, чтобы электронный архив, собранные библиотечные фонды были доступны широкому кругу пользователей – от профессиональных исследователей до студентов и школьников. В этом аспекте «Дом А. А. Титова», как центр сохранения и изучения историографических, краеведческих, музейных традиций, раскрывает уникальные возможности для реализации учебно-исследовательских программ в рамках деятельности базовой кафедры управления культурными ресурсами, созданной в октябре 2021 г. на историческом факультете Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова совместно с ГМЗ «Ростовский кремль». У будущего Музейного центра возникает прекрасная перспектива стать всероссийской площадкой для совместной проектной работы многих профессионалов и учащейся молодежи.

«Дом А. А. Титова» – это и дом русского зарубежья со своей экспозицией и выставочными проектами по истории семьи Титовых в эмиграции, и даже шире – региональная музейная лаборатория по собиранию и изучению наследия эмигрантов – выходцев из Ярославской губернии. Музыкально-театральные традиции семьи Титовых (сам Андрей Александрович прекрасно играл на скрипке, а дочери и невестка, выпускница Лейпцигской консерватории, на роле) неизбежно намекают возрождение соответствующей атмосферы в доме на Покровке: прекрасный зал бывшего зимнего сада идеально подходит для камерных концертов и театрализованных представлений. Любимым детищем семьи Титовых был огромный приусадебный сад с прудом, известность ко-

торого простиралась далеко за пределы Ростова. Есть надежда, что ныне неприглядного вида пустырь со временем превратится в действительно цветущий сад – в музейную общественно-рекреационную зону.

В широком смысле «Дом А. А. Титова» должен стать домом всех ростовцев, гордящихся своей малой родиной, и туристов – многочисленных приезжих, открывающих для себя Ростов Великий, его историю, традиции и людей. Знаковым событием в ходе заседания круглого стола явилась торжественная передача Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва) в дар ГМЗ «Ростовский кремль» уникального фонда книг русского зарубежья, насчитывающего 500 экземпляров редких изданий. Увидевшие свет с начала 1920-х гг. в издательствах Парижа, Берлина, Белграда, Праги, Нью-Йорка и других центрах русской эмиграции, сегодня эти издания являются книжными памятниками. Данной акцией Дом русского зарубежья, заключивший в мае 2022 г. с «Ростовским кремлем» партнерское соглашение, внес весомый вклад в создание будущего Музейного центра «Дом А. А. Титова» и заложил фундаментальные основы соответствующего профиля его научно-просветительской деятельности.

В рамках работы круглого стола состоялась подписание соглашения о сотрудничестве ГМЗ «Ростовский кремль» и ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» по реализации проекта создания электронного депозитария архивного наследия А. А. Титова. Участники круглого стола познакомились с книжной выставкой «Труды и издания А. А. Титова: из собрания И. Н. Синюшкина», развернутой в исторической экспозиции Белой палаты. Коллекция известного в Ростове предпринимателя, создателя гостиничного комплекса и частного музея «Усадьба Плешанова» Ивана Николаевича Синюшкина насчитывает более 150 экземпляров трудов ростовского историка. Данная частная коллекция уникальна не только по числу собранных в ней книжных памятников, но и весьма редкими экземплярами с автографами выдающегося ростовца. В будущем владелец предполагает передать свою коллекцию в Музейный центр «Дом А. А. Титова».

Материалы круглого стола, включая выступления всех участников, будут представлены в отдельном издании, в настоящее время подготовленном к печати.

Ил. 1. Заседание круглого стола «Музейный центр «Дом А. А. Титова»: от замысла к реализации». 28 октября 2022 г.

Наследие Андрея Александровича Титова

Купец А. А. Титов и бренд «Ростов Великий»

Вопрос о переименовании г. Ростова в Ростов Великий в последнее время активно обсуждается общественностью и властными структурами. Иногда в этой связи говорится даже о возвращении городу его исторического имени. Очевидно, подразумевая, что оно когда-то и по какой-то причине было утрачено.

Но так ли это обстояло на самом деле? Какова в действительности природа возникновения широко известного неофициального топонима? Когда и при каких обстоятельствах звучное словосочетание Ростов Великий расцвело новой краской древнее название города со славной историей, фактически став его брендовым именем?

Историк С. В. Сазонов в своей давней статье «Об историческом названии города Ростова» (История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 5–10), проанализировав обширный круг источников XII–XVIII веков, в том числе летописных, актовых, историографических, наглядно и убедительно показал, что в древности и в трудах первых историков, описывавших эту древность, город с названием Ростов Великий отсутствует.

Впервые эпитет «Великий» в отношении Ростова появляется в труде историка графа М. В. Толстого «Древние святыни Ростова Великого», изданном в 1847 г. (С. В. Сазонов это обстоятельство называет «новацией М. В. Толстого»). Впечатляет своим эпическим величием и зачин сочинения: «В глуши древних лесов, между непроходимыми дебрями и болотами Севера, издревле существовал одинокий город – Ростов-Великий...».

Обоснование неизвестного читателю имени города автор дал тут же, в первом кратком примечании. Историк сослался на Ипатьевскую летопись, где под 1151 г. словосочетание возникает в контексте характеристики размеров города – территориально большого, обширного (именно так следует трактовать слова, адресованные князю Юрию Долгорукому:

«А онамо у тебя Ростов великий»). Указание же М. В. Толстого «на многие места летописей», где Ростов также якобы называется «Великим», просто не соответствует действительности. Эти «места» в древнерусских летописях по сию пору никем не отысканы.

Внедрив новацию в заглавие и в начало сочинения (включая и краткое, на полстраницы «Предисловие»; т. е. трижды упомянув), этим историк и ограничился, на всем протяжении своего труда используя привычное для слуха и глаза имя города – Ростов.

Любопытно, что орфографические формы топонима на обложке и в предисловии (а также в упомянутом примечании к тексту), казалось бы, несущественно разнятся: в первом случае – «Ростов Великий», во втором – «Ростов-Великий». Написание через дефис соседствует в одном предложении с топонимом Переяславль-Залесский, форма с дефисом которого исторически закреплена. Подобное сближение походит на подражание орфографическому аналогу, что, в свою очередь, наводит на мысль, что новация случилась прямо здесь и сейчас, на последнем этапе работы над изданием (вероятно, в корректурной правке верстки книги).

Последующая российская историография не откликнулась на новое словосочетание – «Ростов Великий» не прижился, несмотря на переиздания книги М. В. Толстого (1860, 1866). Так тянулось вплоть до начала 1880-х гг., когда ростовцы наконец осознали, что живут в Ростове Великом.

Впервые после М. В. Толстого эпитетом Великий в отношении Ростова воспользовался купец, литератор и начинающий историк А. А. Титов. В год начала масштабной реставрации в Ростовском кремле и устройства здесь музея в свет вышла книга А. А. Титова, адресованная путешественникам: «Ростов Великий. Путеводитель по г. Ростову Ярославской губернии» (Москва, 1883). В данном контексте примечательно разъяснение, прямо читаемое в титульном названии издания: Ростов Великий – это г. Ростов Ярославской губернии.

Обоснование непривычного слуху ростовца и путешественника словосочетания дано

и в тексте книги, и восходит оно к известному труду графа М. В. Толстого. Здесь вновь утверждалось, что со времен княжения Юрия Долгорукого «Ростов стал именоваться Великим и стал приобретать все большее и большее земское значение».

Как «археолог» А. А. Титов к 1883 г. уже успел выпустить целый ряд изданий, посвященных истории и документальным памятникам Ростова. Ни в одном из них город не назывался Великим. «Путеводитель» (коим А. А. Титов одним из первых торил российскую туристическую тропу) – дело другое, тут «товар» нужно было явить лицом. Поводом появления книжки путеводителя (весной 1883 г.) явился особый случай – с размахом идущая реставрация Ростовского кремля и близкое рождение музея (октябрь того же года). Уездный Ростов обрел свои новые великие смыслы. «Путеводитель» во всех смыслах оказывался проводником в «Ростов Великий».

Внимание А. А. Титова к труду М. В. Толстого, которого величали «первым историографом Ростова», вполне объяснимо. Маститый историк 28 октября 1883 г. в качестве почетного гостя присутствовал при торжестве открытия в Белой палате музея и произнес подобающую случаю речь. Мечтой А. А. Титова тогда было переселение графа из Сергиева Посада, где престарелый историк постоянно проживал, в Ростов Великий. Ученый должен был занять видное место при музее, придавая кремлевскому учреждению необходимое археологическое направление и величину.

А. А. Титов и И. А. Шляков почти по-родственному опекали М. В. Толстого, устроив в 1887 г. празднование его 75-летнего юбилея. А. А. Титов в том же году организовывал приезд графа в Ярославль на VII Археологический съезд, забывая об удобной для него квартире. Следующий, 1888 год, в Ростовском музее церковных древностей ознаменовался 40-летием научной деятельности историка, отчет которой велся с книги графа – «Древние святыни Ростова Великого».

А. А. Титова в историографической новации «Ростов Великий» заботила не столько

возможность документальной верификации происхождения названия (самодельный историк мог искренне довериться ученому авторитету), сколько возможный и даже, скорее всего, просчитанный общественный резонанс на эту новацию. Идея внедрения имени Ростов Великий для города с впечатляющей историей и уникальными памятниками в широкое культурное пространство принадлежала именно А. А. Титову. И все завертелось!

Летом 1886 г. (каких-то 3 года спустя с момента выхода «Путеводителя») супруга А. А. Титова – Надежда Александровна – заботливо сообщала мужу о своем свидании в обществе с ярославским губернатором В. Д. Левшиным, который доверительно поведал о важном: «...он хотел тебе писать, что разрешено монаршей милостью Ростов именовать Великим» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1788. Л. 43). Всего лишь документальный штрих, обрывок сведений, но сколько в нем информации про смыслы! А. А. Титов не просто пропагандировал в печати Ростов Великий, он добивался «монаршей милости» о признании города с таким именем на карте Отечества. И в этом он, безусловно, гениально преуспел! Впрочем, источники, свидетельствующие о юридическом закреплении статуса нового топонима, не известны. В дореволюционной России официальное название города оставалось прежним: г. Ростов Ярославской губернии.

Между тем, звучное имя Ростов Великий, многократно с той поры растиражированное, прочно вошло в историографический и общественный обиход. История показывает, что рождение и закрепление культурно-исторического, неофициального названия города тесно оказалось связано с археологической романтикой конца XIX в. Именно при таких обстоятельствах уездный город Ростов обрел свой значимый культурный бренд – «Ростов Великий». В советскую эпоху это название получило свою новую жизнь и устойчивое развитие в рамках известного и весьма успешного туристического проекта «Золотое кольцо России».

Ярослав Смирнов

К 150-летию Государственного исторического музея

Зал «памятников Ростовской области» в Российском историческом музее

Один из залов Государственного исторического музея на Красной площади в Москве носит название «Памятники Ростова Великого и Ярославля» (зал № 12; ил. 1). Его история восходит к 90-м гг. XIX столетия.

После открытия в мае 1883 г. музея для публики его интерьеры еще долгое время продолжали отделывать, следуя замыслу графа Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884), выдающегося археолога, основателя Московского археологического общества, одного из создателей Императорского Российского исторического музея. По мысли ученого, в архитектурном оформлении каждого из залов должна была присутствовать познавательная функция, наглядно иллюстрирующая ту или иную эпоху в истории России.

Историк Иван Егорович Забелин (1820–1908), после кончины А. С. Уварова возглавивший музей, в оформлении музейных интерьеров продолжил руководствоваться принципами предшественника. Так, со второй половины

1880-х гг. до начала XX в. в Историческом музее появились Новгородский, Владимирский, Суздальский, Ростовский, Московский залы. Программа архитектурного оформления этих залов была разработана И. Е. Забелиным, а проекты выполнены художником Петром Самойловичем Бойцовым (1849–1918).

И. Е. Забелин близко стоял к деятельности и деятелям Ростовского музея церковных древностей, также рожденного в 1883 г. – в один год с вводом в строй здания Исторического музея. Возникновение музея в Ростовском кремле и тесное знакомство с А. А. Титовым и И. А. Шляковым, постоянные научные контакты по линии Московского археологического общества (организованный обществом в августе 1887 г. VII археологический съезд проходил в Ярославле под председательством И. Е. Забелина; в период работы съезда историк в составе группы делегатов посетил Ростов для осмотра его памятников) и музейной деятельности, обмен исследовательскими трудами, – все это способствовало появлению в главном историческом музее России зала «памятников Ростовской области».

Обнаруженные в Государственном архиве Ярославской области в фондах А. А. Титова (ф. 1367) и И. А. Шлякова (ф. 693) письма И. А. Забелина (док. № 2) и хранителя Исторического музея, нумизмата Алексея Васильевича Орешникова (1855–1933) (док. № 1) рисуют обстоятельства создания проекта Ростовского зала в сентябре 1895 г. Инициатором снятия гипсовых слепков с ряда памятников Ростовского кремля выступал сам И. Е. Забелин. Среди этих памятников был и знаменитый белокаменный крест 1458 г. дьяка Стефана Бородатого (ныне представлен в исторической экспозиции «Ростовского кремля»). А. В. Орешников, ранее побывавший в Ростовском музее и обративший внимание на уникальный экспонат Белой палаты, выступил в печати с научным описанием и исследованием памятника (Орешников А. В. Памятник XV века, находящийся в Белой палате в Ростове. М., 1894. 12 с.).

Известно, что отделка Ростовского зала была завершена в 1902 г. Его дверные проемы обрамляли порталы, напоминая порталы ростовского Успенского собора начала XVI в. Карнизы были выполнены по аналогии с резьбой креста Стефана Бородатого, а керамические фризы повторяли детали фасада угличских Палат царевича Димитрия 1480-х гг. (их образцы были подарены музею И. А. Шляковым). Роспись цилиндрического свода характерным растительным орнаментом (ил. 2) была произведена артелью известного палашанина – иконописца Николая Михайловича Сафонова (1844–1910). Как утверждает в исследовательской литературе (в частности, в работах Н. С. Датиевой), мастера копировали роспись 1675 г. церкви Спаса на Сенях Ростовского кремля.

При реконструкции 1937 г. зал, к сожалению, сильно пострадал, лишившись многих своих прежних элементов. О первоначальном его облике можно судить по уцелевшей росписи свода и узору мозаичного пола. В настоящее время в зале № 12 «Памятники Ростова Великого и Ярославля» размещается экспозиция, посвященная Золотой Орде.

Ярослав Смирнов

№ 1

А. В. Орешников – И. А. Шлякову

Многоуважаемый Иван Александрович. Обращаюсь к Вам по просьбе Ивана Егоровича Забелина со следующей просьбой.

Исторический музей хочет в одной из строящихся зал поместить несколько памятников Ростовской области, не старше XV века, и решил просить у Вас разрешения снять гипсовую копию с надгробия сына дьяка Стефана, а входные двери украсить наличниками дверей, если бы таковые нашлись, из Вашего собора. Помнится мне, что одна из дверей имеет тесаные (л. 19 об.) древние наличники, с которых и желательно было бы иметь фотографический снимок. У Барщевского я не нашел, поэтому не обратитесь ли Вы к А. А. Титову, один из родственников которого имеет фото-

графический аппарат (полагаю, речь идет о сыне А. А. – Александре. – Я. С.) и, вероятно, не откажется снять, чем окажете большую услугу нашему музею.

Скульптурные украшения на стене будут изготовлены с угличкой кирпичей, некогда подаренных Вами музею.

Будьте здоровы, шлю Вам поклон Ивана Егоровича и остаюсь уважающий Вас А. Орешников.

6 сент[ября] 1895 г.

ГАЯО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 418. Л. 19–19 об.

№ 2

И. Е. Забелин – А. А. Титову

Многоуважаемый Андрей Александрович! Вашу любезную фотографию обдверья Успенского собора получили исправно, за что и принесли Вам искреннюю благодарность. Управление Музея завтра посылает мастера для снимки слепков и с сего обдверья, и с других частей собора, а также и с креста, хранимого в Белой палате. Посодействуйте этой работе. С полным уважением. Забелин.

20 сент[ября] 95 г.

ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 760. Л. 5

Ил. 1. Зал «Памятники Ростова Великого и Ярославля» в Государственном историческом музее

Ил. 2. Фрагмент росписи зала «Памятники Ростова Великого и Ярославля». Роспись артели Н. М. Сафонова. Начало XX в.

Фреска крыльца Митрополичьих хором Ростовского кремля

В 1997 г. был опубликован составленный мной «Перспективный план музеефикации Ростовского кремля». В нем кроме всего прочего говорилось следующее: «Известно, что парадные крыльца Митрополичьих хором и церкви Воскресения давно утрачены. Речь не может идти об их воссоздании в натуре, но необходимо выявить над поверхностью земли основания утраченных стен».

Имелось в виду следующее. На уровне существующей поверхности земли, то есть заподлицо с этой поверхностью выложить из камня планы упомянутых крылец. Тогда посетитель кремля мог бы мысленно представить эти сооружения.

На северном фасаде Митрополичьих хором, которые ныне называют Самуиловым корпусом, существовали элементы, позволявшие определить местоположение его первоначального крыльца. Но необходимо было установить точный план последнего. С этой целью по моей инициативе в 2002–2003 гг. тогдашний археолог нашего музея Алексей Киселев провел раскопки на месте крыльца. В результате были обнаружены булыжные фундаменты двух северных лице-

вых пилонов и фрагмент фундамента восточной стены крыльца. Автор этих строк и сотрудники архитектурного отдела музея О. В. Долотцева и И. В. Шелехова обмерили найденные фундаменты (ил. 1). Таким образом было надежно локализовано месторасположение данного крыльца. Суммарная длина фундаментов с севера на юг равняется 10,5 м, ширина с востока на запад – 8,42 м. Горизонтальные же габариты крыльца были несколько меньше и составляли в длину около 10 м, в ширину – около 8 м. Казалось, можно было бы обозначить план крыльца на уровне поверхности земли. Но по независящим от меня причинам это не произошло.

И вот, когда в апреле 2021 г. в процессе реставрации Самуилова корпуса в толще кирпичной кладки его северной стены, в проеме окна, находящегося над местом упомянутого крыльца, были обнаружены фрагменты фресковой росписи, мне сразу стало ясно, что они в древности украшали интерьер этого крыльца. В частности, обнаружился фрагмент изображения так называемых полотенец, которые обычно оформляют нижние части фресковых композиций в храмах

и гражданских зданиях. Причем небольшой фрагмент росписи как будто свидетельствовал, что она записывалась или поновлялась.

Осенью 2022 г. реставраторы разобрали еще часть кладки в месте расположения той же росписи. Обнажился значительный по размерам фрагмент древней стенописи, которая располагается частично на вертикальной поверхности стены, частично – на опирающемся на нее остатке почти целиком утраченного свода крыльца. Стали видны нижние части фигур неких персонажей (ил. 2). Изображение крайней западной фигуры соответствует иконографии ростовского юродивого Исидора Твердислова. Облачение фигуры, расположенной слева, или восточнее от него, аналогично одеждам преподобных. В находящемся восточнее упомянутого окна двух дверных проемах также обнаружались небольшие фрагменты этой стенописи. Причем на одном из этих фрагментов представлена часть святительского облачения. Следовательно, роспись простиралась на всю ширину внутреннего пространства крыльца. Судя по всем этим фрагментам, первоначально на фреске были изображе-

ны святые, среди которых были святитель, преподобный и юродивый. По стилю данную стенопись можно датировать примерно второй половиной XVII – началом XVIII в.

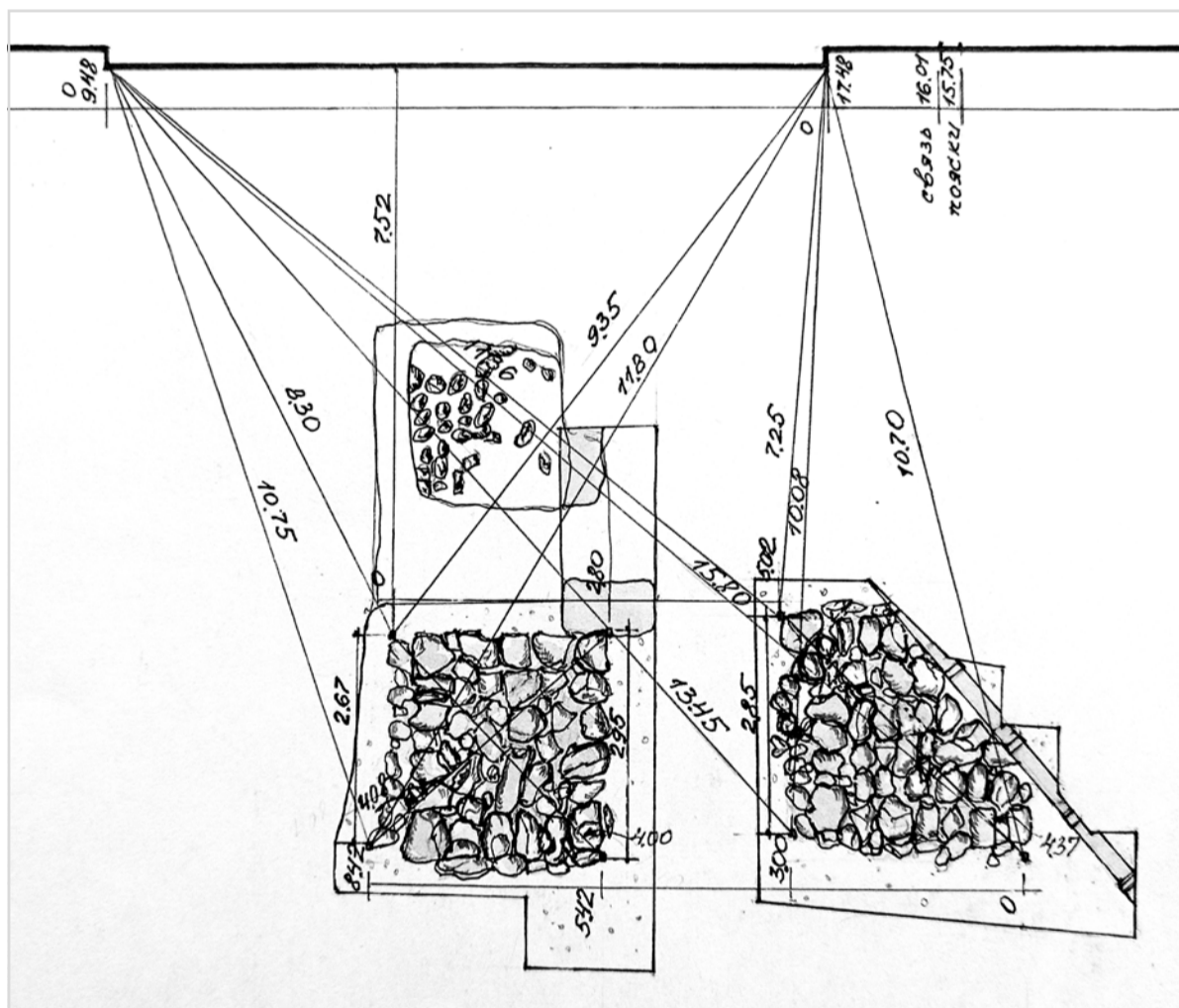
Пролить дополнительный свет на рассматриваемое произведение позволяет приходо-расходная книга Ростовского архиерейского дома 1702 г., в которой под 31 августа 1702 г. сказано: «Ростовской иконописец Афанасей Петров написал на всходе архиерейского образа пресвятые Богородицы с превечным Младенцем и около их святых осемь лиц домовыми красками». В урезанном виде и с некоторыми искажениями эту фразу опубликовала Э. Д. Добровольская, но никак не соотносила ее с крыльцом Митрополичьих хором.

Слово «всход» в XVII в. означало лестницу. Эпитет «архиерейского» свидетельствует, что эта лестница принадлежала Митрополичьим хоромам. Значит, вполне вероятно, что приведенное свидетельство приходо-расходной книги относится к интересующей нас фреске. Таким образом, теперь мы знаем автора этой фрески – художника Афанасия Петрова и точное время ее создания – 1702 г.

Несложно установить и заказчика данной росписи. Во время ее создания ростовским митрополитом являлся святитель Димитрий (1701–1709). Только хозяин архиерейского двора мог заказать роспись парадного крыльца своих хором. Следовательно, именно Димитрий Ростовский был заказчиком данной фрески. Он же, надо думать, рекомендовал художнику ее общее иконографическое решение.

Как мы помним, около Богородицы с Младенцем на фреске фигурировали восемь святых. Два крайних из них изображены в пол-оборота. Судя по этим позам, святые предстояли Богородице в молении, а Она была изображена либо в центре композиции, либо в ее восточной части. Возможно, это был вариант иконографии Богородицы Ростовской, который в XVII – начале XVIII в., и в 1702 г. в том числе, называли «Моление ростовских чудотворцев». Можно предположить и кто предстоял Богородице: ростовские святые Леонтий, Исаия, Игнатий, Иаков, Феодор, Авраамий, Петр царевич и Исидор.

Александр Мельник

Ил. 1. План фундамента северного крыльца Митрополичьих хором Ростовского кремля. Чертеж А. Г. Мельника, О. В. Долотцевой, И. В. Шелеховой

Ил. 2. Фрагмент росписи северного крыльца Митрополичьих хором Ростовского кремля. 1702 г.

Редчайший архитектурный фотоальбом начала XX века из библиотеки музея и его неизвестный автор

Библиотечное собрание музея «Ростовский кремль» насчитывает свыше 48 тысяч книг, газет и журналов, изданных в период с 1830 года по настоящее время. Есть среди них редкие, очень редкие и даже уникальные, известные библиотечной науке только в одном-единственном экземпляре – экземпляре нашего музея.

Об одном из таких изданий – не уникальном, но очень и очень редком, а также о неожиданном

открытии, которое удалось сделать при его изучении, и пойдет речь.

Это книга, а, вернее, фотоальбом, озаглавленный «Архитектура эпохи классицизма (Empire)» (т.е. ампир. – Д. Ч.), с подзаголовком «Ярославль и его губерния», изданный в 1911 г. в Москве неким В. Е. Приземлиным при Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) (ил. 1). Размер альбома примерно равен современному формату А3, он состо-

ит из «двойного листочка» с титулом и кратким текстом на двух страницах и 24 таблиц с фоторепродукциями, по 2–3 на каждой, всего 54 снимка. Ростовские памятники представлены семью фотографиями: дома Ростовского городского общества на углу Покровской ул. и Рождественского пер. (ил. 2), дома А. И. Путилова на углу Лазаревской ул. и переулка (ил. 3), ограды («решетки») городского сада (ил. 4), надгробия 1814 г. в Борисо-

глебском монастыре (ил. 5) и трех фото Димитриевского собора Спасо-Яковлевского монастыря.

Таблицы с репродукциями очень высокого качества (хорошо читаются даже мелкие вывески на домах) отпечатаны московским издательством «Шерер, Наболиц и К^о», считающимся одной из лучших фототипий того времени. Автором текста и снимков указан некий «Вл. Дьяконов». Так он обозначен на титульном листе, в такой же точно

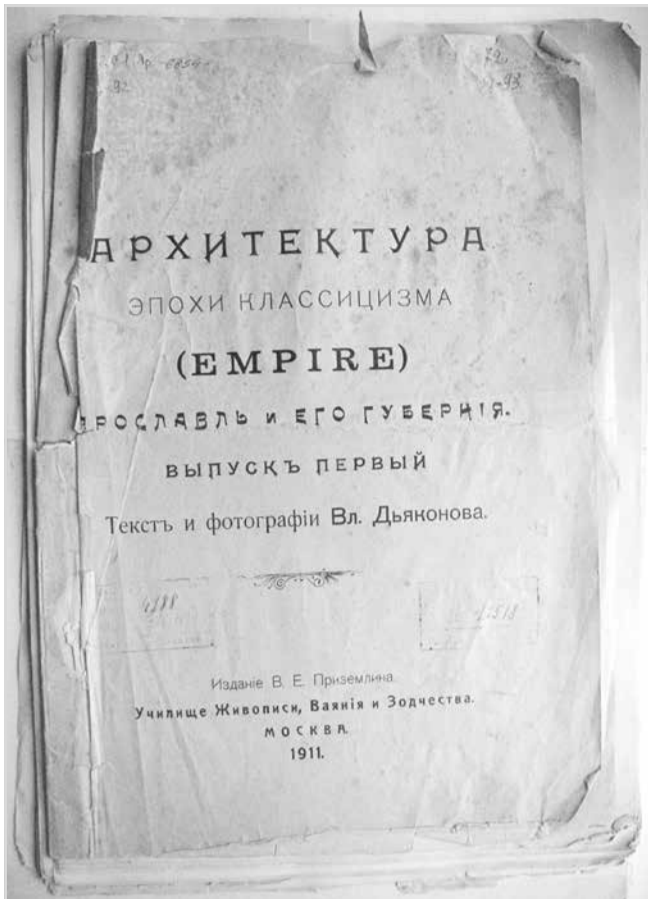
форме стоит и подпись под текстовой частью.

Альбом поступил в собрание Ростовского музея церковных древностей 15 апреля 1911 г. от И. А. Шлякова; ему был присвоен инвентарный № 11518. Педантичный Иван Александрович от руки пронумеровал все таблицы и даже исправил в одной из подписей слово «решетка» на правильное «рѣшетка».

Продолжение – на 4-й стр.

Редчайший архитектурный фотоальбом начала XX века из библиотеки музея и его неизвестный автор

Продолжение. Начало – на 3-й стр.

Ил. 1. Титульный лист альбома «Архитектура эпохи классицизма (Empire). Ярославль и его губерния» (М., 1911)

В качестве источника поступления в инвентарной книге указано: «Дар Вл. Дьяконова Ив. А. Шлякову». Как видим, даже опосредованно, «через третьи руки» автор остался верен себе, не выдав нам хотя бы инициал своего отчества.

На помощь могли бы прийти электронные каталоги трех крупнейших библиотек страны – Академии наук и Российской национальной в Петербурге и Российской государственной в Москве – по закону к ним должны поступать так называемые «обязательные экземпляры» всех изданий, выходящих в России. Однако ни в каталоге РГБ, ни в каталоге БАН нашего альбома не значится, а в каталоге РНБ его карточка имеет помету «Desideratum», т.е. оно библиографам известно, но опосредованно и разыскивается: здесь вместо Москвы местом издания ошибочно указан Санкт-Петербург.

Вот таким редким оказался музейный альбом. Назвать его уникальным мешает лишь то, что, по данным Госкаталога Музейного фонда, он все-таки есть в как минимум двух других музеях:

Псковском музее-заповеднике и в музее А. Н. Островского в Щелькове (Костромская обл.).

Кто же скрывался за этим именем? У нас есть две зацепки: имя издателя и указание на принадлежность к МУЖВЗ. Удивительно, но в тех же каталогах каких-либо других изданий В. Е. Приземлина также нет. Остается единственное средство – обратиться к фундаментальнейшим словарным справочникам «Вся Москва», издававшимся с 1875 по 1917 г. Сейчас трудно в это поверить, но в них указаны адреса всех постоянных жителей первопрестольной (а был еще и «Весь Петербург!»).

Что ж, в 1911 и 1912 гг. лиц с такой фамилией в Москве не проживало, а вот с 1913 г. действительно фиксируется: Василий Егорович Приземлин, архитектурное бюро и председатель правления Артели архитекторов; Уланский пер., д. 13, кв. 18, телефон 403–46 (ныне сохранившийся весьма симпатичный доходный дом в стиле модерн). С 1915 г. он проживает в собственном доме № 7/8 по 1-му Минаевскому пер.

«Вл. Дьяконов» также находится в справочнике без труда: начиная с 1912 г. значится: Владимир Александрович, потомственный почетный гражданин, архитектор; М. Патриарший пер. на углу с Ермолаевским, д. 7/10, тел. 308–34. В последнем справочнике за 1917 г. указана и его должность – архитектор Московской уездной земской управы.

В следующей книге «Вся Москва», вышедшей в 1923 г., ни Дьяконова, ни Приземлина уже нет. Тем не менее, располагая такими сведениями, все остальное становится делом техники: автором нашего редчайшего альбома был Владимир Александрович Дьяконов (1881–1941), брат знаменитой Елизаветы Дьяконовой (1874–1902), дневник которой, после ее загадочной гибели в горах Швейцарии, опубликованный другим братом, Александром, потряс всю читающую публику того времени и стал настоящим бестселлером, выдержав 4 переиздания. Книга издается и до сих пор: последнее на данный момент издание вышло в 2021 г.

Дьяконовы были купцами из Нерехты, сама Е. А. Дьяконова писала о себе: «по происхождению я – чистая купчиха, ярославско-ростовско-нерехтская...». После смерти их отца они переехали к родственникам в Ярославль, где снимали квартиру на 2-м этаже дома Майорова на Никитской ул. (ныне № 9 по ул. Салтыкова-Щедрина). Опекой над имуществом малолетних ведал Ярославский сиротский суд, в архивном фонде которого в ГАЯО сохранилось и соответствующее дело. Согласно архивным документам, в 1897 г. В. А. Дьяконов обучался в Ярославском городском училище, а уже в следующем 1898 г. – «в школе живописи, ваяния и зодчества». К сожалению, он был нелюбимым братом Е. А. Дьяконовой, так что все упоминания о нем в ее дневнике очень редки, и все они даны вскользь.

Другой же брат, Александр (1882–1963), стал ее фактическим душеприказчиком, издав ее дневники, стихотворения, статьи и письма. Впоследствии он станет актером (под псевдонимом Ставрогин), артистом театра В. Ф. Комиссаржевской, режиссером театра К. Н. Незло-

бина. Его личный фонд в составе 389 единиц хранения, среди которых есть и документы В. А. Дьяконова, находится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.

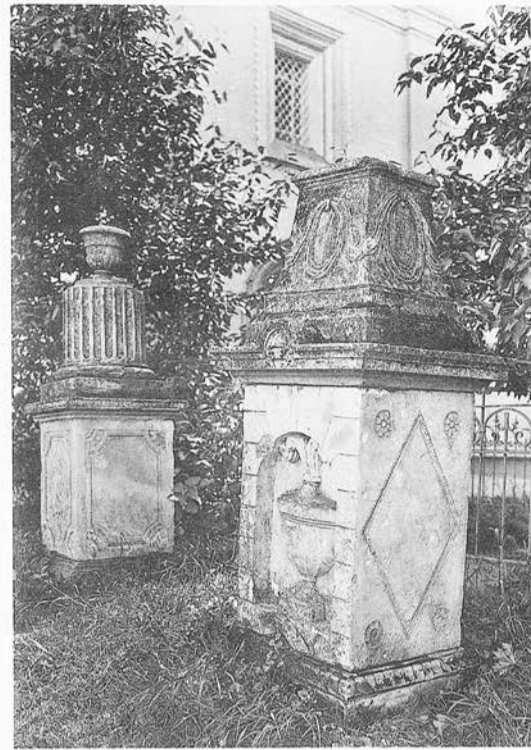
Одна из замечаний Е. А. Дьяконовой, опубликованная в 1900 г. в «Северном крае» под названием «О воспитании любви к родной старине», перекликается как с тематикой нашего альбома, так и с тематикой музейной газеты. Преподаватель Бестужевских высших женских курсов профессор И. А. Шляпин, узнав, что она из Ярославля, начал расспрашивать ее

о «памятниках ярославской старины», но она «на его расспросы не могла дать иного ответа, кроме «не знаю». То же самое повторилось и с расспросами о ростовской «Белой палате», которую мне ранее пришлось посетить, но не удалось осмотреть как следует, под руководством сведущего лица».

Далее она сетует: «Поколения за поколением проходят через школы, и сознательное и любовное отношение к интересным памятникам прошлого все еще остается уделом специалистов да немногих любителей, о которых прочие обыватели отзываются за глаза с сострадательной усмешкой и упражняются в дешевом остроумии, передувая «археолог» в «архиолух» (лично приходилось слышать в г. Ростове)».

Альбом с фотографиями ее брата Владимира идет в этом вопросе еще дальше: это яркое издание нового течения любителей старины, возникшего в начале XX в., представители которого начали видеть и осознавать ценность не только памятников глубокой древности и высочайшего искусства, но и относительно недавних, 1800–1840-х гг.

Борисоглебский монастырь (Ростов, у. Яросл. губ.).

Памятник (1814 г.) (известняк).

Ил. 5. Надгробный памятник 1814 г. в Борисоглебском монастыре. Фото В. А. Дьяконова

Особенного внимания удостоивались провинциальные памятники: в их зачастую безыскусном и наивном облике (а иногда и наоборот, шедевральном исполнении) ценители старины, «задушенные» стилем модерн и считавшие конец XIX в. временем полного упадка архитектуры, искали отголоски классической эпохи, казавшейся им золотым веком – позже эти искания вернут моду на неоклассицизм в 1910-е гг.

Дьяконов с упоением снимает крупным планом кованые козырьки и детали наличников, обшарпанные колоннады гостиных дворов и заросшие травой сельские надгробные памятники – еще 10 или 20 лет до того такое «чуждачество» невозможно было и представить.

Вот что он пишет про ростовские памятники: «Храм этот (Димитриевский собор. – Д. Ч.), построенный в 1801 г. графом Н. П. Шереметевым с присущей ему роскошью, является одним из смелых по замыслу и необычных для той эпохи. К сожалению неизвестно, кто автор церкви, – принадлежит ли она к созданиям знаменитого Кваренги, или «загадочному» Дикушкину?»

И далее, о частных деревянных домах 1820-х гг.: «Эти скромные по размеру домики невольно привлекают к себе внимание, напоминая о величественном времени «ампир». Очень типичен дом в Ростове Великом (на углу Лазаревской ул. и пер.). <...> Фотографический снимок <...>, к сожалению, не может передать красок, а они так характерны в этом случае. Общий тон стен – желтой охры; детали – карниз, колонки, наличники, русты – белые; крыша – красная; полуциркульный тимпан мезонина окрашен лазоревой краской. Все эти цвета взяты интенсивно, и прекрасно дополняют архитек-

турную композицию.

В том же Ростове до самого последнего времени был еще один старинный деревянный дом (на углу Покровской ул. и Рождественского пер.). <...> Фасад дома был так удивительно прост и строг по своему архитектурному выполнению, что и, казалось бы, – нужно бережно хранить этот редкий памятник деревянного зодчества. Но в 1910 г. дом этот переделан так, что никаких следов прежней архитектуры от него не осталось».

В конце автор выражает благодарность председателю Ярославского художественного общества И. А. Лазареву, члену губернской архивной комиссии И. А. Тихомирову и хранителю Ростовского музея И. А. Шлякову, «любезным указаниями которых я (В. А. Дьяконов. – Д. Ч.) неоднократно пользовался при составлении настоящего издания».

Вот какая история вышла, стоило лишь потянуть за ниточку. Мы же, в свою очередь, публикуем несколько ростовских фотографий В. А. Дьяконова, нигде ранее, по всей видимости, не публиковавшихся.

Дмитрий Чекмасов

Дом Ростовского городского общества, (до вандализма 1910 г.). Уголь Покровской ул. и Рождественского пер.

Ил. 2. Дом Ростовского городского общества. Фото В. А. Дьяконова

Дом А. И. Путилова, уголь Лазаревской ул. и пер.

Ил. 3. Дом А. И. Путилова в Ростове. Фото В. А. Дьяконова

Городской лѣтний садъ.

Ил. 4. Ограда («решетка») городского сада в Ростове. Фото В. А. Дьяконова

Документальные истории

Немецкий скульптор Фохт и ростовские лепщики

В маклерских книгах города Ростова конца XVIII – первой половины XIX в. отложились договоры и контракты, условия между лицами разных сословий на обучение тому или иному ремесленному мастерству: портному, сапожному, столярному, золотарному, иконописному, финифтяному и др. В одной из маклерских книг, за 1799 г., нам встретился договор на обучение лепному и мраморному ремеслу.

Договор датирован 1 января 1799 г. Его заключили капитан Николай Федоров Дуров и мастер – немец Иван Андреев Фохт (Фохт). Данный мастер известен в Ростове тем, что в качестве скульптора принимал участие в украшении лепными рельефами Дмитриевского собора Спасо-Яковлевского монастыря, строительство и отделка которого велась как раз в 1794–1801 гг.

По договору Дуров отдал Фохту для обучения «лепному и мраморному художеству и гражданской архитектуры рисованию» своего крепостного дворового человека Николая Никитина. Был указан и срок обучения – четыре года с момента заключения соглашения.

В течение первых трех лет Дуров платил Фохту за обучение Никитина ежегодно 25 рублей. Последний, четвертый год, ученик должен был

находиться на содержании у мастера. Все цифры в документе на-

писаны прописью. За время обучения Иван Фохт должен был обучить

Николая Никитина «всему, что сам разумеет».

Одежда и обувь ученика – платье верхнее, нижнее и банное обеспечивались за счет помещика. Оговоренная плата за обучение первых трех лет по согласию сторон осуществлялась при наступлении каждого года.

Заключая договор, «дабы все вышеозначенное с обеих сторон было сохранено нерушимо», стороны решили записать его в маклерскую книгу, что было сделано только спустя два месяца после его заключения. 28 февраля 1799 г. титулярный советник Петр Львович Безобразов и немец Иван Андреев Фохт явили договор в Ростове у маклерских дел. В маклерскую книгу подлинник, под № 50, записал маклер Алексей Привалов.

Отметим также, что в маклерских книгах отложились контракты скульптора Ивана Фохта с ростовскими ремесленниками, которых он принимал на работу в качестве подмастерьев.

Таким образом, немец Иван Андреев Фохт как скульптор не только оставил в Ростове свои прекрасные творения в виде лепных украшений Дмитриевского собора Спасо-Яковлевского монастыря, но и брал в обучение учеников, нанимал помещиков.

Александр Морозов

Ил. 1. Дмитриевский собор в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре. Из книги Ю. И. Шамурина «Ростов Великий. Троице-Сергиева лавра» (М., 1913)

Награды ростовцам за «незабвенные заслуги Отечеству» в 1812 году

В филиале Государственного архива Ярославской области в г. Ростове в фонде Ростовской городской шестигласной думы (ф. 1) хранится дело под заголовком: «Документы о сборе пожертвований на ополчение» (д. 849). В его составе имеется указ из Ярославского губернского правления в Ростовскую городскую думу об отправке бронзовой медали для вручения ростовскому купцу Н. А. Кекину. В фонде Ростовского уездного предводителя дворянства (д. 6) находится дело «Документы о вручении дворянам бронзовых медалей за заслуги перед Отечеством» (д. 102). Здесь подшито уведомление ярославского предводителя дворянства В. И. Филатьева на имя поручика Н. И. Пересветова о награждении его бронзовой медалью.

Обстоятельства появления указанных документов следующие. 6 июля 1812 г. Александр I подписал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения»,

а 18 июля – «О составлении временного внутреннего ополчения». По второму манифесту в стране образовывались округа из народного ополчения для защиты Москвы и Санкт-Петербурга. В состав 1-й округа вместе с Московской, Тверской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерниями входила и Ярославская. Руководствуясь этими основополагающими документами, а также предписанием московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина на имя ярославского гражданского губернатора М. Н. Голицына от 21 июля об открытии Комитета для сбора ополчения, в г. Ярославле 28 июля 1812 г. на первом организационном заседании был образован Комитет Ярославской военной силы. Он занимался приемом воинов в Ярославское ополчение под начальством генерал-майора Якова Ивановича Дедулина. Денежных средств для снаряжения

ополченцев в государственной казне было недостаточно, поэтому было решено прибегнуть к пожертвованиям. Лица, сделавшие достаточно большие приношения на ополчение, а также госпиталям и пострадавшим от войны мирным жителям, могли по манифесту от 30 августа 1814 г. «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» получить награду – крест или бронзовую медаль.

Публикуемые документы ценны тем, что в них содержатся сведения о двух жителях Ростовского уезда, внесших существенные пожертвования на ополчение, о награждении поручика Н. И. Пересветова бронзовой медалью (на ленте ордена св. Владимира) и ростовского купца Н. А. Кекина – такой же медалью (на ленте ордена св. Анны).

Константин Степанов

1816 г., июня 9. — Уведомление ярославского предводителя дворянства В. И. Филатьева на имя поручика Н. И. Пересветова о награждении бронзовой медалью.

Господину дворянину Ярославской губернии поручику Николаю Ивановичу Пересветову.

По благополучном, с помощью Вышняго, окончании войны с французами, благоугодно было Его Императорскому Величеству, всемилостивейшему государю нашему, между многими милостями, дарованными всем вообще верным Его подданным, отличить российское благородное дворянство особенным знаком высокомонаршого своего благоволения и признательности, которая изъяснены в манифесте от 30-го августа 1814 года следующими словами:

«Благородное дворянство наше, верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к царю и Отечеству, наипаче же ныне изъяснившее безпримерную ревность щедрым жертвованием не токмо имуществ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалию с тем самым изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год. Сию бронзовую, крепости духа их сообразную медаль, да возложат на себя отцы или старейшины семейств, в которых, по смерти носивших оную, остается она в сохранении у потомков их, яко знак оказанных в сем году предками их незабвенных заслуг Отечеству».

Ныне сии бронзовые медали доставлены ко мне для украшения ими дворянства Ярославской губернии, почему я, исполняя предписание Правительствующаго Сената, препровождаю при сем одну таковую медаль к Вашему благородию для ношения на Владимирской ленте в петлице, как о том повелено

в высочайшем Его Императорского Величества манифесте и указе, данным на имя г. министра юстиции во 30 день августа 1814 года.

Губернский предводитель и кавалер Владимир Филатьев. № 262. Июня 9 дня 1816 года.

РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Подлинник.

Типографская печать. Подпись – автограф. Выделенное курсивом – вписано черными чернилами

1818 г., февраля 13. — Указ из Ярославского губернского правления в городскую думу об отправке бронзовой медали для вручения купцу Н. А. Кекину.

Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Ярославского губернского правления Ростовской градской думе. При указе из Правительствующаго Сената по 1 департаменту от 19 ноября истекшаго года на имя Его превосходительства г. гражданского губернатора и кавалера препровождены экземпляры акта и бронзовые медали для раздачи удостоенным оных за пожертвование в 1812 году на ополчение. На основании всемилостивейшаго манифеста, состоявшагося в 30 день августа 1814 года, купцам по Ярославской губернии, в том числе и ростовскому Николаю Кекину, каковая медаль оному Кекину для отдачи с распискою из сего правления и отослана к ростовскому полицмейстеру при указе. О чем оной думе и дается сим знать. Февраля 13 дня 1818 года.

Советник Крылов.

Помощник секретаря (подпись нрзб. – К. С.).

Столоначальник Кепорский.

Пометы: «3796», «№ 38-й, получен 15 февраля 1818 года».

РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 849. Л. 167. Подлинник. Рукопись черными чернилами. Подпись – автограф

Мой музей – моя история: фронтовые подруги

На публикуемой фотографии (ил. 1) запечатлена Антонина Николаевна Корешкова (Уткина) (слева) с подружкой. В борисоглебский музей «Дом крестьянина Елкина» этот ценный фотодокумент принесла и подарила Марина Алексеевна Корешкова, дочь Антонины Николаевны.

А. Н. Уткина родилась под селом Некоуз Ярославской губернии. В 1940 г. закончила 7 классов Некоузской средней школы. В 1941 г. на фронт ушел ее отец, а в 1942 г. Антонина Николаевна была принята в ряды Красной Армии – в подразделение ВНОС (воздушно-наблюдения, оповещения и связи), служила телефонистом-наблюдателем. С боевыми частями прошла половину Европы – Польша, Чехословакия, Германия. На радость всей семье отец и дочь домой вернулись с фронта – в августе 1945 г.

В поселок Борисоглебский Антонина Николаевна вместе с мужем Алексеем Сергеевичем Корешковым приехали в 1950 г. Здесь у них родилось трое детей. Антонина Николаевна трудилась делопроизводителем в исполкоме Борисоглебского райсовета, а затем машинисткой в редакции газеты «Колхозный клич». Алексей Сергеевич работал в Борисоглебском отделении милиции в должности участкового уполномоченного. Марина Алексеевна вспоминает: «Родители очень любили друг друга, не представляли, как можно находиться в разлуке хотя бы несколько дней. Даже шутили друг с другом и то – с любовью».

Каждая вещь, связанная с родителями, дорога и памятна для Марины Алексеевны. История их жизни и непростой судьбы является одной из страниц биографии целого поколения борисоглебцев.

Алена Сапожникова

Ил. 1. Фронтовые подруги. Слева – Антонина Николаевна Уткина (Корешкова). 1940-е. ГМЗРК

По страницам газеты «Северный край»

Ростовское общество хоругвеносцев и Китайский поход

Данной публикацией открывается серия сообщений, посвященных теме Ростова и Ростовского уезда на страницах газеты «Северный край», издававшейся в г. Ярославле в 1898–1905 гг.

К концу XIX в. в Ярославской губернии издавались две официальные газеты: «Ярославские губернские ведомости» и «Ярославские епархиальные ведомости». «Северный край» был первой ярославской негосударственной ежедневной газетой. Одним из ее основателей, редактором и издателем был владелец типографии Э. Г. Фальк (1861–1902).

Первый номер «Северного края» вышел в свет 1 декабря 1898 г. Во вступительной статье выдвигалась основная задача издания: «служить делу культурного и экономического развития северной окраины». Большое значение придавалось гласности. Газета распространялась в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Тверской и Ярославской губерниях, Санкт-Петербурге и Москве. Здесь помещалась официальная хроника, известия о событиях в России и за границей, местные экономические, исторические, метеорологические сведения, новости образования и спорта, печатались художественные произведения.

Среди авторов были писатель-народник В. М. Михеев, ставший после смерти Фалька в 1902 г. редактором газеты; деятели земского движения Д. И. Шаховской и С. А. Мусин-Пушкин, большевики Н. В. Романов и В. Р. Менжинский, ярославские краеведы А. В. Балов, С. Я. Дерунов и др.

«Северный край» постоянно подвергался цензуре со стороны местной власти. Губернаторы неоднократно обращались в Главное управление по делам печати с предложениями закрыть издание. 8 августа 1904 г. издание «Северного края» было приостановлено и возобновилось с 1 января 1905 г.

В октябре 1905 г. члены редколлегии присоединились к всероссийской политической стачке. 19 октября 1905 г. редакция подверглась разгрому черносотенцами. Против В. М. Михеева было начато судебное дело за «тенденциозный подбор статей» и стремление возбудить население к «беспорядкам». Владельцы газеты аннулировали права редакционного комитета. «Северный край» стал печатным органом конституционных демократов. Однако последнее не спасло газету от окончательного закрытия 29 декабря 1905 г.

При изучении «Северного края» было выявлено большое количество публикаций, в которых разносторонне отражалась история Ростова и Ростовского уезда второй половины XIX – начала XX в. Настоящее соображение посвящено одному из ее фрагментов – деятельности Ростовского общества хоругвеносцев (образовано 28 мая 1901 г.).

«Наш Ростов Великий, – писал корреспондент, – обогатился новым обществом хоругвеносцев, имеющим в программе своей деятельности и благотворительные цели». Журналист сообщал, что на собрании общества 28 июня 1901 г. состоялись выборы его правления. Должность старосты занял И. А. Шляков, его помощника – ростовский купец И. М. Жуков, казначея – ростовский купец П. А. Селиванов, позднее – А. Д. Иванов, секретаря – нотариус Л. Г. Милославов. «Относительно формы одежды и образца нагрудного знака членов общества постановлено принять во внимание те нагрудные знаки и те кафтаны, которые введены в употребление членами Троице-Сергиевского общества хоругвеносцев».

Авторы сообщали о благотворительных акциях, в которых участвовали члены Ростовского общества хоругвеносцев. В качестве примера приведем два сюжета, освещавшихся на страницах «Северного края». Они были связаны с событиями, названными в России

Китайской войной или Китайским походом.

В 1900 г. в Китае было организовано так называемое Ихэтуаньское (Боксерское) восстание, которое было, прежде всего, направлено, против иностранного, в том числе и российского присутствия в Китае. С 1900 по 1901 г. Российская империя являлась членом военного «антикитайского» альянса совместно с Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Италией, США, Францией и Японией. Власти Китая, заключившие перемирие с восставшими, официально объявили войну союзным государствам. В связи с этим летом 1900 г. в России были объявлены полномасштабные мобилизационные мероприятия. В ходе наступления коалиционных войск был взят Пекин, Россия заняла северную Манчжурию. В 1901 г. после перехода китайского правительства на сторону союзных держав восстание было подавлено. Китай подписал неравноправный договор с европейскими державами и США. По соглашению между Россией и Китаем, российские войска должны были покинуть Манчжурию, а Китай подтверждал право России на аренду Порт-Артура с прилегающим Ляодунским полуостровом и предоставлял ей в пользование манчжурский участок Китайско-Восточной железной дороги.

Тема Китайской войны подробно освещалась на страницах «Северного края». Ростовский корреспондент сообщал в 1900 г. следующее: «В ночь с 24 на 25 июля наш город бодрствовал: он провожал около 200 человек нижних чинов 3-й грендерской артиллерийской бригады в г. Саратов для укомплектования 6-й резервной артиллерийской бригады, выделившей от своего состава 2-й Сибирский артиллерийский дивизион. Солдатики, только что 24 июля возвратившиеся из лагерей, ночью в тот же день под командою офицера отправились в Саратов.

Часов около 10 вечера в казармах батареи был отслужен напутственный молебен,

и из каждой батареи в строевом порядке под звуки хора музыки выступило по 32 человека артиллеристов к вокзалу железной дороги.

Улицы, пролегающие на станцию, были наполнены собравшимися проводить их местными жителями. Самое здание вокзала не могло вместить в себе всех присутствующих на проводах, и масса публики рассыпалась по платформе, садикам и около самого здания.

На проводах находилось все местное артиллерийское начальство, местная администрация, интеллигенция, купечество и ремесленники. Казначей местного общества хоругвеносцев А. Д. Иванов от лица членов этого общества роздал отправляющимся нижним чиновам чай, сахар, папиросы, булки и, кроме этого, сдал начальнику отправляющегося отряда для раздачи каждому в пути два ящика с образками, а купец Мотков на их нужды во время пути дал 25 руб. Проводы нижних чинов носили самый сердечный характер. Публика не покидала вокзала до самого отхода поезда. А когда поезд тронулся, долго еще не расходилась, провожая взорами покидавших Ростов артиллеристов».

В «Северном крае» сообщалось, что кроме деятельного участия в «проводах» солдат на собрании Ростовского общества хоругвеносцев 30 июля 1900 г. было решено оказать «посильную помощь» раненым солдатам, защищавшим «границы на дальневосточной окраине, и собрать для этой цели по подписке довольно сумму, которую через начальника губернии препроводить в пользу «Красного креста». Собранные тут же 100 рублей на этих днях будут представлены по назначению».

В последующих номерах «Ростовской старины» мы планируем размещать наиболее интересные сообщения о Ростове и Ростовском уезде, публиковавшиеся на страницах «Северного края».

Алексей Киселев

Музейная археология

In situ: кавалерийская шпора в шурфе

В 1881 г. один из отцов-основателей Ростовского музея Андрей Александрович Титов провел первые археологические раскопки в урочище «гора Святой Марии». В своей знаменитой книге 1885 г. «Ростовский уезд Ярославской губернии» исследователь отметил: «Вообще эта гора требует основательного исследования, которое и может пролить новый свет на эту бесспорно историческую местность».

Археологические исследования в указанной местности ведутся Археологическим сектором музея-заповедника «Ростовский кремль» с 2016 г. За прошедшее время сде-

ланы важные археологические открытия: выявлены новые памятники археологии, обнаружены как типовые, так и редкие предметы эпохи средневековья. Наиболее важные из них мы публиковали на страницах «Ростовской старины» (вып. 173, 180, 182–185). Исследования 2021 г. (о которых мы уже писали в выпусках 188, 190) позволили получить чрезвычайно яркий материал.

В данной статье речь пойдет о редкой находке – кавалерийской шпоре, расчищенной in situ в одном из шурфов на памятнике археологии «Филимоново 3». Для уточнения его границ всего было заложено четыре разведочных шурфа размерами 1×1 м.

В шурфе 1 выявлено скопление фрагментов сосуда XVI в., попавших в почву, вероятно, в ходе распашки, боевой наконечник стрелы, накладка и ключ от навесного замка. В шурфе 2 обнаружено скопление очажного камня – здесь была селитебная часть поселения XV–XVI вв. В шурфе 3, заложенном к юго-западу от первых двух, на южном борте ложбины, выявлен тонкий культурный слой с более ранней керамикой, относящейся ко второй половине XIII в. – XIV в.

Шурф 4 был разбит в ложбине (ил. 1) в 19,5 м к северу от шурфа 3, на месте сигнала металлодетектора. Сначала была обнаружена пряжка редкой формы – узкая пластина (ширина 1,2 см), к одному из концов которой крепится кольцо с язычком. Ниже, на глубине –18,5 см от поверхности, появилась железная петля, от которой вниз уходил изогнутый стержень. Дальнейшая аккуратная расчистка показала, что это средневековая кавалерийская шпора!

Шпора – это вспомогательное приспособление для управления лошастью, которое с помощью ремешка крепилось к сапогу всадника. В Древней Руси шпоры использовали только профессиональные воины. Шпоры имели на конце либо шип, либо звездочку (колесцо). Наша оказалась колесцовый (ил. 2). Общие сведения о найденной шпоре таковы: петли шпоры залегали на глубине 18,5–22 см от современной поверхности,

а держатель колесца – на глубине 29 см. Длина шпоры 10,8 см, ширина – 9,3 см, диаметр колесца около 2,6 см.

Тщательная расчистка шпоры in situ (на месте залегания) позволила понять, как произошла археологизация предмета, как он попал в грунт. Обнаружение шпоры на дне ложбины, значительная глубина ее залегания, а также тот факт, что на глубине ниже залегания шпоры (–31,–35) были обнаружены фрагменты керамики второй половины XIII в. – XIV в., – все это позволяет с высокой долей вероятности реконструировать финал бытования предмета. Во время проезда по ложбине на ногу воина лопнул ремешок, шпора упала и потерялась (например, в траве). Уже в то время вдоль ложбины была пашня. Дальнейшая распашка этих полей в XIV–XVI вв. привела к тому, что во время дождей, весеннего таяния снега дно ложбины постепенно замывалось частицами грунта, грунт накапливался, постепенно погребая шпору в своей толще. Поэтому шпора и оказалась на такой значительной глубине от поверхности.

Информация о древнерусских шпорах была обобщена А. Н. Кирпичниковым в книге 1973 г. «Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.», ставшей настольным справочником для многих археологов. Исследование о колесцовых шпорах было проведено О. В. Двуреченским. В статье 2018 г. исследователь рассмотрел 137 колесцовых шпор с территории европейской части России. Из них к XIII–XV вв. относятся 120 единиц. Среди последних основная часть – находки в городах, и лишь 18 единиц – находки из сельской местности.

Найденная нами шпора относится к типу V, варианту Б, подварианту 1 по типологии О. В. Двуреченского. К подварианту V61 О. В. Двуреченским отнесено всего две шпоры – из Ростиславля Рязанского и из Изборской крепости. Первая датируется серединой XIV в., вторая происходит из словес XIV–XV вв. Время бытования варианта V6 (учтено 17 находок) О. В. Двуреченский относит к концу XIII в. – середине XIV в., не ис-

ключая и возможность использования таких шпор в третьей четверти XIV в.

То есть, время бытования такого вида шпор соотносится с годами жизни известного московского князя Ивана Калиты. Такие шпоры, вероятно, могли использоваться и в начальный период княжения Дмитрия Донского. В любом случае, шпора характеризует снаряжение русского конного воина в сложный для Северо-Восточной Руси период монголо-татарского ига накануне Куликовской битвы.

Значение находки чрезвычайно велико. Ранее в Ростове и его окрестностях находили только обломки или элементы шпор: обломок петли и колесцо на Сарском городище, три обломка петли и колесцо в Ростове. Более того, судя по Госкаталогу (goskatalog.ru), где публикуется информация о музейных предметах Музейного фонда Российской Федерации, найденная нами шпора будет первой целой шпорой, которая поступит в музей на территории Ярославской области.

Алексей Каретников, Александр Верин

Ил. 1. Археологическая разведка под руководством А. Л. Каретникова у с. Филимоново. Вид с юга на место заложения шурфа № 4. На фото А. В. Верин. Октябрь, 2021

Ил. 2. Шпора, расчищенная in situ в шурфе № 4

Неопубликованный доклад Н. Н. Воронина о древнейшем прошлом Ростова (1958 г.)

Продолжение. Начало в «Ростовской старине», № 20 (189), № 21 (190)

За более чем полстолетия, пошедшие с момента написания доклада Н. Н. Ворониным, историки и археологи выявили множество новых сведений об истории Ростова и его окрестностей в XI–XIII вв. Отметим три важных поправки к тексту Н. Н. Воронина. На л. 11 он упоминает «соп» на реке Где, встречаемый в Тверском летописном сборнике в связи с Александром попovichем, и пишет: «Ростовским краеведам стоило бы обследовать эту небольшую речку и поискать это городище». В 1974 г. археологом А. Е. Леонтьевым это упоминание было надежно соотнесено с Сарским городищем, так как река, на которой располагалось городище до XIX в., называлась Гда (позднее было вытеснено названием верхнего течения реки – Сара).

На л. 12. Н. Н. Воронин предполагает, что строительство внешнего рва Ростова, отразившегося в названиях церквей (Леонтия на Заро-

вье), состоялось «на рубеже XI–XII веков, после ушибы 1096 года». Раскопки участка рва, проведенные Археологическим отделом музея-заповедника «Ростовский кремль» в 2010 г., дали основания для датировки сооружения временем не ранее XIII в. По всей видимости, ров был выкопан при Константине Всеволодовиче.

На л. 13 Н. Н. Воронин описывает Успенский собор, построенный при Андрее Боголюбском: «Это великолепное здание, украшенное внутри росписью и полами из цветных глазированных плиток...». Однако в ходе исследований Государственного Эрмитажа совместно с Институтом археологии РАН, осуществленных в соборе в 1992–1994 гг., было установлено, что Н. Н. Воронин остатки собора 1213–1231 гг. неверно соотнес с эпохой Андрея Боголюбского.

Алексей Каретников, Вера Каретникова

Древнейшее прошлое Ростова X–XIII век[ов]

(л. 10) Энергичная миссионерская деятельность епископа Леонтия (ил. 1) вызвала широкое возмущение народных масс, хорошо понимавших связь христианизации с упрочением власти феодалов. В конце концов Леонтий был убит восставшим народом. Есть все основания думать, что это был один из актов того знаменитого антифеодалового восстания смердов 1071 года, которое охватило Поволжье и Заволжье от Ярославля до Белого озера. Это восстание, как известно, протекало под знаменем языческой религии и возглавлялось ее представителями – волхвами. Языческая идеология народных масс Поволжья в эту пору была чрезвычайно архаичной, в частности, еще был распространен известный у многих народов нашего севера медвежий культ. Положение церковников осложнялось еще тем, что, как мы видели, еще в конце XI века население Ростова было смешанным – в нем был силен мерянский элемент, об этом говорят и письменные источники. Епископ Леонтий – по словам его жития – «и русский и мерянский язык добре умеяше». Местное предание, отразившееся в житийной литературе, сохранило память о том, что в эту пору в Ростове еще был особый «чудской конец», т. е. район, заселенный мерянами, и где-то стоял каменный славянский идол Велес. Какое-то восстание, вновь шедшее под знаменем язычества, вспыхнуло в Ростове в 1091 году. Видимо, оно было быстро подавлено, о чем говорит краткая запись летописи: «В се же лето волхвы явися в Ростове, иже вскоре погубе». По-видимому, один из первых приездов будущего владетеля Ростовского края, князя Владимира Мономаха, в Ростов в 1072 году был связан именно с этими тревож-

ными событиями, угрожавшими господствующему классу.

Однако за X и XI столетия жизни Ростова и его края, слабо связанного с киевской державой лишь данями, здесь сложились свои порядки, выросла и окрепла местная боярская знать, которая не была склонна поступиться в пользу княжеской власти своей самостоятельностью и независимостью. Видимо, какие-то черты (л. 11) ростовского боярства отразились в русском былинном эпосе в образе заносчивого и хвастливого ростовского богатыря Алеши Поповича с его верным оруженосцем Торопом; местные предания, попавшие в летопись, указывали место его укрепленной усадьбы – «СОП», т. е. кольцо земляных валов на впадающей в Неро речке Где, в урочище «Гремячий колодезь». Ростовским краеведам стоило бы обследовать эту небольшую речку и поискать это городище. Ростов и становится оплотом этой боярской знати, в связи с чем политический центр земли и местопребывание князя переносится сначала в Суздаль, а потом во Владимир, а вся история XI–XIII веков наполнена ожесточенной борьбой Владимировской династии с боярской олигархией Ростова.

Конец XI века ознаменовался первой феодальной войной-усобицей за обладание богатой Ростово-Суздальской землей между ее хозяином Владимиром Мономахом с сыновьями и князем Олегом Святославичем. Если Суздаль был в ходе этой борьбы сожжен Олегом, то Ростов не пострадал. Возможно, что в Ростове Олег встречал поддержку своих замыслов. Во всяком случае показательно, что посаженные на княжение в Ростовскую землю сыновья Мономаха Ярополк, а затем Юрий Долгорукий садятся не в боярском Ростове, а в Суздале.

В Ростове же правит воспитанник Юрия, старый дружинник Мономаха, потомок знатного варяжского рода Георгий. Остается здесь и епископ, хотя первый на Северо-Востоке каменный собор строится Монамахом не в Ростове, а в Суздале, где возникнет и первый в крае монастырь.

Ростов мог бы стать феодальной боярской республикой подобно Новгороду, но этого не случилось. Рядом с боярской знатью росло городское торгово-ремесленное население, находившее поддержку княжеской власти.

На рубеже XI–XII веков Ростов был уже большим городом, далеко разросшимся от озера к северу. Старый мерянский поселок (л. 12) лежал, видимо, лишь в побережье. Наблюдения над земляными работами на углу улицы Декабристов (к северо-западу от земляной крепости) показали, что здесь нет отложений мерянского времени и есть слой только русской поры. Наши археологические материалы дают мало для характеристики ремесленно-торгового люда Ростова (для этого нужны раскопки несравненно большего масштаба). Но можно не сомневаться, что материальная культура Ростова, как и других русских городов, созидалась, конечно, руками местных мастеров-ремесленников. Граница города и очерчивает восстановленную нами в начале доклада огромную полудугу рва. Этот укрепленный пояс, как можно думать, был сооружен на рубеже XI–XII веков, после ушибы 1096 года, когда княжеские горододелыцы построили укрепления Суздаля и создали в 1098 году новую крепость на Клязьме – Владимир. Возможно, что население этого молодого княжеского города образовалось частично из бежавших от боярского произвола ростов-

цев. Еще в XII веке ростовские бояре презрительно именовали владимирцев своими смердами и холопами. Владимировские же князья, усиливая свою власть и борясь с боярством, строили и заселяли новые города, поднимали значение горожан. Владимировские князья в XII веке вели и широкую общерусскую политику, стремясь подчинить своей гегемонии жизнь других княжеств, объединить раздробленную Русь под своей могучей десницей, что вело к тяжелым военным столкновениям, в которых владимировские князья неизменно опирались на поддержку горожан. Это связывало ростовскую знать и обусловило ее положение крамольной, консервативной группировки, пользовавшейся каждым случаем междукняжеской борьбы, чтобы подорвать силу Владимира и его династии, помешать упрочению ее авторитета.

В княжение Юрия Долгорукого эти противоречия еще не вскрылись во всей остроте. Стремясь к обладанию киевским престолом, Юрий мало интересовался своей северной вотчиной и даже соби(л. 13)рался променять Ростов и Суздаль на Переславль Южный. После смерти епископа Исаии, Ростов 43 года оставался без епископа. Боярство оставалось лояльным к княжеской власти. Ростовские полки под командой сына Юрия Ростислава нанесли жестокое поражение вторгнувшейся в Ростовскую землю новгородской рати в знаменитой битве 1135 года на Жданой горе. Однако уже в пятидесятых годах княжеско-боярские отношения обостряются, Юрий начинает наступать на боярские вольности. После его смерти ростово-суздальская знать вопреки распоряжению Юрия сажает на княжеский стол его сына Андрея, рассчитывая, что он будет послушным боярским князем.

Однако Андрей еще круче и решительнее продолжал политику отца и открыто порвал с Ростовом, лишив его стольных прав, сделав столицей молодой город Владимир. Видимо, он думал перенести сюда из Ростова и епископскую кафедру, которую в 1158 г. занял епископ – грек Леон, выступивший открытым сторонником боярской знати. Можно думать, что едва ли случайно в год окончания постройки епископского Успенского собора во Владимире, в 1160 г., Ростов был опустошен страшным пожаром, в котором сгорел и ростовский дубовый собор. Андрей, видимо, не думал строить взамен него но-

Ил. 1. Икона «Леонтий Ростовский». Конец XV – начало XVI в. ГМЗРК

вый и хотел ограничиться постройкой маленького каменного храма. Однако он встретился с протестом ростовского боярства и епископа и был вынужден соорудить в 1161–1162 годах большой каменный собор. Его строили княжеские мастера. Здесь, прерывая ход исторического изложения, нельзя не сказать о раскопках этого выдающегося памятника. Как оказалось, его белокаменные стены лежат под стенами существующего ростовского собора. Это великолепное здание, украшенное внутри росписью и полами из цветных глазированных плиток, было похоже на владимировский храм, но было значительно больше его и почти равнялось «великой церкви» Киево-Печерской лавры. Ростовский собор был крупнейшей постройкой (л. 14) владимировских мастеров. Отмечу попутно, что они успешно справились с трудной задачей постройки в условиях болотистого грунта, применив для гидроизоляции полов собора водоупорную известь особого состава. Житие епископа Леонтия рассказывает, что при отрывке рвов для фундаментов был открыт его гроб. Князь Андрей использовал это обстоятельство и торжественно водворил «мощи» Леонтия в белокаменную гробницу (ил. 2) в особом аркосолии в алтарной части нового собора. Это был очень выгодный для борьбы с княжеской властью, с Ростовом шаг – убитый ростовцами епископ прославлялся владимировским князем как «святой мученик».

Архив ГМЗРК. Оп. 1.
Д. 16. Л. 10–14
Окончание –
в следующем выпуске

Ил. 2. Гробница для мощей Леонтия Ростовского (1160-е гг.) в исторической экспозиции Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»

Первый художественный фильм в Ростове был снят в 1915 году

В июне 1915 года в российской кинопрессе появилась реклама нового фильма «Русской кинематографической фабрики художественных картин Г.И. Либкена» – «Смирнова сыновья» («Драма в Ростове Великом»). «Кине-журнал» сообщал: «Многие сцены этой редкой картины разыграны в причудливо-красивой местности города Ростова Великого, славного своей стариной и оригинальным русским стилем многих своих достопримечательностей. <...> Использованы при постановке – старинный Ростовский кремль, большой сад для гуляний с редкими архитектурными сооружениями и необычайно красивое, огромное озеро Неро, на берегу которого стоит Ростов Великий» (Хроника // Кине-журнал. 1915. № 11–12. С. 109–110).

Речь шла о фильме «Петра Смирнова сыновья» – первом художественном фильме, снятом в Ростове. Документальные съемки в городе были сделаны еще раньше: в 1911 году Московское отделение фирмы «Братья Пате» выпустило видовую картину «Ростов Великий и его святыни», а в мае 1913 года на пленку попали юбилейные торжества по случаю 300-летия Дома Романовых.

Ярославская кинофабрика начала действовать с марта 1914 года как часть Торгового дома «Г.И. Либкен, А.Я. Брайген и К°» (основным направлением фирмы был кинопрокат) и стала заметным явлением в культурной жизни губернии в годы Первой мировой войны. Владелец фирмы Григорий Иванович Либкен организовывал съемки и в губернском центре, и в уездных городах. В фильме «Петра Смирнова сыновья» он выступил как сценарист и постановщик совместно с режиссером Сигизмундом Яновичем Веселовским. Картина являлась очередной купеческой драмой с изменой, убийствами и поджогом. Вот краткая аннотация фильма.

Душеприказчик показывает завещание купца Петра Смирнова – половина состо-

яния должна достаться Обществу народной трезвости, а вторая – его сыну Алексею. Другой сын, Михаил, проматывает деньги в карточной игре. Михаил ухаживает за Марой, дочерью ростовщика Гассанова. Ростовщик выдает ему ссуду, заставляя подписать вексель именем отца. Проиграв в карты, Михаил просит денег в долгу у богатой вдовы Анны Зверевой. Петра Смирнова постигает удар, когда он узнает об обмане сына. Алексей Смирнов делает предложение Анне Зверевой. Вскоре Михаил и Анна становятся любовниками. Брошенная Мара открывает правду Алексею. Алексей застаёт жену с братом, во время ссоры Михаил убивает Алексея. Любовники поджигают дом и бегут на лодке, их преследует Мара.

Известный советский кинорежиссер Амо Иванович Бек-Назаров посвятил фильму «Петра Смирнова сыновья» один из ярких эпизодов своих интересных, увлекательно написанных «Записок актера и кинорежиссера» (1965). По воспоминаниям Бек-Назарова, начинавшего карьеру киноартиста в Ярославле в 1915 году, Либкен выбрал имя «водочного кор-

ля» П.А. Смирнова для того, чтобы шантажом заставить его наследников заплатить за изменение названия фильма: «Имя Петра Смирнова, крупнейшего собственника водочных заводов, было широко популярно. Его водку «смирновку» пили вся Россия. Узнав каким-то образом о скандале в семье водочного заводчика, Либкен решил нажиться на этом. Можете вообразить, как были огорашены представители Смирнова, приглашенные на кинофабрику для просмотра картины. <...> Что ж, рассуждал беззастенчивый Либкен, Смирнов может откупиться от позора. Представители заводчика без долгих размышлений затеяли спор о цене. Сошлись на восемнадцать тысяч, что дало Либкену двенадцать тысяч чистой прибыли, если не считать тех денег, которые принес ему прокат той же ленты под названием «Дети купца Волгина»» (Бек-Назаров А.И. Записки актера и кинорежиссера. М.: Искусство, 1965. С. 48–49). В этом свидетельстве слышны отголоски скандальной истории с «Дочерью купца Башкирова», первым фильмом Либкена, снятым в 1913 году – известная фамилия крупнейших хлебопромышленников Поволжья была использована для сомнительной рекламы. Действительно, в профессиональной прессе с ноября 1915 года «Петра Смирнова сыновья» анонсировались уже как «Дети купца Волгина» («Дети купца Волгина»). Точно неизвестно, был ли здесь шантаж или все-таки расчет, что в данном случае скандальная реклама может сойти с рук. Финансовые трудности у Торгового дома «под фирмой П.А. Смирнова в Москве» начались еще до Первой мировой войны, а с введением «сухого закона» фирма перешла на изготовление уксусов и морсов, чтобы избежать разорения. Евгения Ильинична Смирнова, невестка П.А. Смирнова и владелица фирмы в то время, могла решить этот вопрос, не потратив ни копейки, так же как в 1913 году это сделал Матвей Емельянович Башкиров – обратившись с прошением в Главное управление по делам печати. В мемуарах Бек-Назаров отзывался о Либкене как о жуликоватом дельце (что вполне справедливо!), и, несомненно, эта история была рассказана для усиления негативной характеристики.

Ил. 2. Из фильма «Петра Смирнова сыновья». На переднем плане Григорий Иванович Либкен в эпизодической роли душеприказчика и артистка Мариэтта Петини

Ил. 3. Из фильма «Петра Смирнова сыновья». На заднем плане – западный фасад Ростовского кремля

Ил. 4. Из фильма «Петра Смирнова сыновья». Погоня на лодках на озере Неро. На дальнем плане – Спасо-Яковлевский монастырь

№ 16—17—1915 г. СИНЕ-ФОНО. 111

Русская кинематографическая фабрика художественных картин

МОСКВА, **Г. И. ЛИБКЕНЪ.** ЯРОСЛАВЛЬ, собств. фабрика, за Романовской заставой. Тел. 3-64.

Внимание!

РЪДКАЯ КАРТИНА
по замыслу, постановкѣ,
игрѣ артистовъ и красотѣ
видовѣ.

„Смирнова сыновья“
(ДРАМА ВЪ РОСТОВѢ ВЕЛИКОМЪ).

Кино-пьеса. въ 3-хъ частяхъ Длина 1100 метр.

Актъ I. Проклятіе отца. Актъ II. Братья-соперники. Актъ III. Мечь и безуміе, смерть и покой.	ВЪ ГЛАВНЫХЪ РОЛЯХЪ: Мариэтта Петини, И. Румянцева, Амо Бекъ, М. Д. Звѣздичъ.
---	---

Много сценъ на натурѣ разыграно на фонѣ знаменитаго,
дивно-красиваго Ростовскаго края и на волнахъ огромнаго
озера Неро.

Драматическій сюжетъ и постановка **Г. И. Либкенъ.**

Ил. 1. Реклама фильма «Петра Смирнова сыновья» («Драма в Ростове Великом») в кинематографическом журнале «Сине-Фоно» (1915. № 16–17. С. 111)

Из около 70 фильмов, снятых на ярославской кинофабрике, сохранилось всего 14, все они находятся в Госфильмофонде России. Среди них и «Петра Смирнова сыновья». Картина начинается со своеобразного представления зрителям постановщика и артистов – Г.И. Либкен играет эпизодическую роль душеприказчика, демонстрируя зрителям завещание Петра Смирнова, а актеры Мариэтта Петини (Мария Георгиевна Петинос, с 1916 года вторая жена Либкена), А.И. Бек-Назаров и М.Д. Звездич заходят друг за другом как его клиенты. После этой преамбулы артисты превращаются

в героев семейной драмы, они иначе загримированы – у Звездича появляются усы (он сыграл негодяя Михаила), Бек-Назаров становится горбуном (положительная роль Алексея).

Часть сцен снимали в павильоне, возведенном летом 1915 года во внутреннем дворе бывшей Показательной выставки – деревянного городка в русском стиле за каменным зданием Романовского приюта (ныне это здание занимает Ярославская областная наркологическая больница, пр. Октября, 59). В начале лета Либкен вывез свою труппу в Ростов для натурных съемок. Сцена, где Мара рассказывает Алексею об измене жены, разыграна у ограды Соборной площади, видны южное крыльцо Успенского собора и нижняя часть звонницы, в следующем кадре Ростовский кремль запечатлен с западного фасада. Совершенно неожиданно смотрится финальная погоня на лодках со стрельбой – в духе американского кино, которым увлекался С.Я. Веселовский – на озере Неро, на фоне Ростовского кремля, Успенского собора и Спасо-Яковлевского монастыря.

Безусловно, фильм был образцом коммерческого

кино, «глупой либкенской стряпни», по выражению Бек-Назарова – хотя неуверенная актерская игра и слабый сценарий сочетались здесь с качественной операторской работой. Так или иначе «Петра Смирнова сыновья» ценны самой ранней из сохранившихся ролей А.И. Бек-Назарова и натурными съемками с видами Ростова.

Ирина Зубатенко

Ил. 5. Фотооткрытка. Амо Иванович Бек-Назаров. Фотография М. Сахарова и П. Орлова. 1916 г. Из частного собрания